

Афанасий Фет

Ранние годы моей жизни

Фет Афанасий

Ранние годы моей жизни

А.А.Фет

А Ранние годы моей жизни

До самого экзамена я продолжал брать уроки истории по тетрадкам Беляева "хромбеса", {1} который постоянно говорил мне о приготовляемом им в университет изумительном ученике Аполлоне Григорьеве. "Какая память, какое прилежание! - говорил он, - не могу нахвалиться. Если, бог даст, поступите оба в университет, сведу вас непременно".

Познакомившись в университете, по совету Ив. Дм. Беляева, с одутловатым, сероглазым и светло-русым Григорьевым, я однажды решился поехать к нему в дом, прося его представить меня своим родителям.

Дом Григорьевых с постоянно запертыми воротами и калиткою на задвижке находился за Москвой рекой, на Малой Полянке, в нескольких десятках саженей от церкви Спаса в Наливках. Приняв меня как нельзя более радушно, отец и мать Григорьева просили бывать у них по воскресеньям. А так как я в это время ездил к ним на парном извозчике, то уже в следующее воскресенье старики буквально доверили мне свозить их Полонушку

в цирк. До той поры они его ни с кем и ни под каким предлогом не отпускали из дому. {2} Оказалось, что Аполлон Григорьев, невзирая на примерное рвение к наукам, успел, подобно мне, заразиться страстью к стихотворству, и мы в каждое свидание передавали друг другу вновь написанное стихотворение. {3}

Свои я записывал в отдельную желтую тетрадку, и их набралось уже до трех десятков. Вероятно, заметив наше взаимное влечение, Григорьевы стали поговаривать, как бы было хорошо, если бы, отойдя к Новому году от Погодина, {4} я упросил отца поместить меня в их дом вместе с Аполлоном, причем они согласились бы на самое умеренное вознаграждение.

У Григорьевых взаимное впечатление отцов наших оказалось самым благоприятным. Старик Григорьев сумел придать себе степенный и значительный тон, упоминая имена своих значительных товарищей по дворянскому пансиону. Что же касается до моего отца, то напускать на себя серьезность и сдержанность ему никакой надобности не представляло.

Мать Григорьева, Татьяна Андреевна, скелетоподобная старушка, поневоле показалась отцу солидной и сдержанной, так как при незнакомых она воздерживалась от всякого рода суждений. Мой товарищ Аполлон не мог в то время кому бы то ни было не понравиться. Это был образец скромности и сдержанности. Конечно, родители не преминули блеснуть его действительно прекрасной игрой на рояли. {5}

Пока мы с Аполлоном ходили осматривать антресоли, где нам предстояло поместиться, родители переговорили об условиях моего помещения на полном со стороны Григорьевых содержании. Ввиду зимних и продолжительных летних вакансий, годовая плата была установлена в 300 рублей.

На другой день утром Илья Афанасьевич {6} перевез немногочисленное мое имущество из погодинского флигеля к Григорьевым, а я, проводивши отца до зимней повозки, отправился к Григорьевым на новоселье.

Дом Григорьева, с парадным крыльцом со двора, состоял из каменного подвального этажа, занимаемого кухней, служившею в то

время и помещением для людей, и опиравшегося на нем деревянного этажа, представлявшего, как большинство русских домов, венок комнат, расположенных вокруг печей. С одной стороны дома, обращенной окнами к подъезду, была передняя, зала, угольная гостиная с окнами на улицу и далее по другую сторону дома столовая, затем коридор, идущий обратно по направлению к главному входу. По этому коридору были хозяйская спальня и девичья. Если к этому прибавить еще комнату налево из передней, выходящую окнами в небольшой сад, то перечислены будут все помещения, за исключением антресолей. Антресоли, куда вела узкая лестница с двумя заворотами, представляли два совершенно симметрических отделения, разделенные перегородкой. В каждом отделении было еще по поперечной перегородке, в качестве небольших спален. Впоследствии я узнал, что в правом отделении, занятом мною, долго проживал дядька француз, тогда как молодой Аполлон Александрович жил в отделении налево, которое занимал и в настоящее время. Француз кончил свою карьеру у Григорьевых,

по рассказам Александра Ивановича, тем, что за год до поступления Аполлона в университет напился на Святой до того, что, не различая лестницы, слетел вниз по всем ступенькам. Рассказывая об этом, Александр Иванович прибавлял: "Снисшел еси в преисподняя земли".

Для меня следом многолетнего пребывания француза являлось превосходное знание Аполлоном французского языка, с одной стороны, и с другой бессмысленное повторение пьяным поваром Игнатом французских слов, которых он наслышался, прислуживая гувернеру. - Коман ву порте ву? Вуй, мосье. Прандю те. {7}

Ал. Ив. Григорьев и родной брат его Николай Иванович родились в семье владимирского помещика; но поступя на службу, отказались от небольшого имения в пользу преклонной матери и двух, если не трех, сестер, старых девиц. Николай Иванович служил в каком-то пехотном полку, а Александра Ивановича я застал секретарем в московском магистрате. Жалованье его, конечно, по тогдашнему времени было ничтожное, а размеров

его дохода я даже и приблизительно определить не берусь. Дело в том, что жили Григорьевы если не изящно, зато в изобилии, благодаря занимаемой им должности.

Лучшая провизия к рыбному и мясному столу появлялась из охотного ряда даром. Полагаю, что корм пары лошадей и прекрасной молочной коровы, которых держали Григорьевы, им тоже ничего не стоил.

По затруднительности тогдашних путей сообщения, Григорьевы могли снабжать мать и сестер только вещами, не подвергающимися порче, но зато последними к праздникам не скупились. К Святой или по просухе чрез знакомых подрядчиков высылался матери годовой запас чаю, кофею и красного товару. {8}

В шестилетнее пребывание мое в доме Григорьевых я успел лично познакомиться с гостившими у них матерью и сестрами.

Но о холостой жизни Александра Ивановича и женитьбе его на Татьяне Андреевне я мог составить только отрывочные понятия из слов дебелой жены повара, Лукерьи, приходившей в отсутствие Григорьевых, отца и сына, наверх убирать комнаты и ненавидевшей

свою госпожу до крайности. От Лукерьи я слышал, что служивший первоначально в сенате Александр Иванович увлекся дочерью кучера и, вследствие препятствия со стороны своих родителей к браку, предался сильному пьянству. Вследствие этого он потерял место в сенате и, прижив с возлюбленною сына Аполлона, был поставлен в необходимость обвенчаться с предметом своей страсти. Когда я узнал Алекс. Ив., он не брал в рот капли горячительных напитков. Так как, верный привычке не посещать лекций, я оставался дома, то, проходя за чем-либо внизу, не раз слышал, как Татьяна Андреевна громким шепотом читала старинные романы, вроде "Постоялый двор", {9} и, слыша шипящие звуки: "послее-воос-хоож-деее-ни-яяя солнцааа", я убедился, что грамота нашей барыне не далась и что о чтении писанного у нее не могло быть и речи. Тем не менее голос ее был в доме решающим, едва ли во многих отношениях не с большим правом, чем голос самого старика. Осуждать всегда легко, но видеть и понимать далеко не легко. А так как дом Григорьевых был истинною колыбелью моего умственного

я, то позволю себе остановиться на некоторых подробностях в надежде, что они и мне, и читателю помогут разъяснить полное мое перерождение из бессознательного в более сознательное существо. Добродушный и шуточный по природе, Александр Иванович был человек совершенно беспечный. Это основное качество он передал и сыну. Я нередко присутствовал при незначительных наставлениях матери сыну, но никогда не слышал, чтобы она наставляла своего мужа. Тем не менее чувствовалось в воздухе, что тот заматерелый догматизм, под которым жил весь дом, исходил от Татьяны Андреевны, а не от Александра Ивановича, который по рефлексии догматически и беззаветно подчинялся своей жене.

Утром в 7 1/2 часов летом и зимой, когда я еще валялся на кровати, Аполлон, или, как родители его называли, Полошенька, вскакивая с кровати, одевался и бежал в залу к рояли, чтобы звуками какой-либо сонаты будить родителей. В 8 часов отец, до половины одетый, но в теплой фуфайке и ермолке на обнаженной голове, выходил вместе с женой, оде-

тою в капот и неизменный чепчик с оборкою, в столовую к готовому самовару. Там небольшая семья пила чай, присылая мне мою кружку наверх. Затем Александр Иванович, наполнив свежестертым табаком круглую табакерку, шел в спальню переменить ермолку на рыжеватый, деревянным маслом подправленный парик и, надев форменный фрак, поджидал Аполлона, который в свою очередь в студенческом сюртуке и фуражке бежал пешком за отцом через оба каменных моста и Александровский сад до Манежа, где Аполлон сворачивал в университет, а отец продолжал путь до присутственных мест. К двум часам обыкновенно кучер Василий выезжал за Аполлоном, а старик большею частью возвращался домой пешком. В три часа мы все четверо сходились внизу в столовой за сытным обедом. После обеда старики отправлялись вздремнуть, а мы наверх - предаваться своим обычным занятиям, состоявшим главным образом для Аполлона или в зубрении лекций или в чтении, а для меня отчасти тоже в чтении, прерываемом постоянно возникающим побуждением помешать Аполлону и увлечь

его из автоматической жизни памяти хотя бы в самую нелепую жизнь всякого рода причуд. В 8 часов мы снова нередко сходили чай пить и затем уже возвращались в свои антресоли до следующего утра. Так, за исключением праздничных дней, в которые Аполлон шел с отцом к обедне к Спасу в Наливках, проходили дни за днями без малейших изменений.

Казалось, трудно было бы так близко свети на долгие годы две таких противоположных личности, как моя и Григорьева. Между тем нас соединяло самое живое чувство общего бытия и врожденных интересов. Я знал и чувствовал, до какой степени Григорьев, среди стеснительной догматики домашней жизни, дорожил каждой свободною минутой для занятий, а между тем я всеми силами старался мешать ему, прибегая иногда к попытке, выстраданной еще в Верро {10} и состоящей в том, чтобы, поймав с обеих сторон кисти рук своей жертвы и подсунув в них снизу под ладони большие пальцы, вдруг вывернуть обе свои кисти, не выпуская рук противника, из середины ладонями кверху; при этом не ожидавший такого мучительного и беспомощно-

го положения рук противник лишается всякой возможности защиты. При таких отношениях надо было бы ожидать между нами враждебных чувств, но в сущности было наоборот. Я от души любил свою жертву, а Аполлон своего мучителя, и если слово воспитание не пустой звук, то наше сожительство лучше всего можно сравнить с точением одного ножа о другой, хотя со временем лезвия их получают совершенно различное значение.

Связующим нас интересом оказалась поэзия, которой мы старались упиться всюду, где она нам представлялась, принимая иногда первую лужу за Ипокрену.

Начать с того, что Александр Иванович сам склонен был к стихотворству и написал комедию, из которой отрывки нередко декламировал с жестами; но Аполлон, видимо, стыдился грубого и безграмотного произведения отцовской музыки. Зато сам он с величайшим одушевлением декламировал свою драму в стихах под названием "Вадим Новгородский". {11} Помню, как, надев шлафрок на опашку, вроде простонародного кафтана, он, войдя в

дверь нашего кабинета, бросался на пол, восклицая:

О земля моя родимая,
Край отчизны, снова вижу вас!
Уж три года протекли с тех пор,
Как расстался я с отечеством.
И те три года за целый век
Показались мне, несчастному.

Конечно, в то время я еще не был в силах видеть все неуклюжее пустозвонство этих мертворожденных фраз; но что это не ладно, я тотчас почувствовал и старался внушить это и Григорьеву. Так родилась эпиграмма:

Григорьев, музами водим,
Налил чернил на сор бумажный
И вопиет с осанкой важной:
Вострепещите! - мой Вадим.

Писал Аполлон и лирические стихотворения, выражавшие отчаяние юноши по случаю отсутствия в нем поэтического таланта. "Я не поэт, о, боже мой!" {12} - восклицал он:

Зачем же злобно так смеялись,
Так ядовито надсмехались
Судьба и люди надо мной?

По этим стихам надо было бы ожидать в

Аполлоне зависти к моим стихотворным попыткам. Но у меня никогда не было такого ревностного поклонника и собирателя моих стихотворных набросков, как Аполлон. Вскорости после моего помещения у них в доме моя желтая тетрадка заменена была тетрадью, тщательно переписанною рукой Аполлона.

Бывали случаи, когда мое вдохновение воплощало переживаемую нами сообща тоскливую пустоту жизни. Сидя за одним столом в течение долгих зимних вечеров, мы научились понимать друг друга на полуслове, причем отрывочные слова, лишённые всякого значения для постороннего, приносили нам с собою целую картину и связанное с ними знакомое ощущение.

- Помилуй, братец, - восклицал Аполлон, - чего стоит эта печка, этот стол с нагоревшей свечою, эти замерзлые окна! Ведь это от тоски пропасть надо!

И вот появилось мое стихотворение

Не ворчи, мой кот мурлыка...

долго гриводившее. Григорьева в восторг. Чуток он был на это, как эолова арфа.

Помню, в какое восхищение приводило его маленькое стихотворение "Кот поет, глаза прищуря...", над которым он только восклицал: - Боже мой, какой счастливец этот кот и какой несчастный мальчик!

Аполлон в совершенстве владел французским языком и литературой, и при нашей встрече я застал его погруженным в "Notre Dame de Paris" {"Собор Парижской богородицы" (франц.)} и драмы Виктора Гюго. Но главным в то время идолом Аполлона был Ламартин. Последнее обстоятельство было выше сил моих. Несмотря на увлечение, с которым я сам перевел "Озеро" Ламартина, я стал фактически, чтением вслух убеждать Григорьева в невозможной прозаичности бесконечных стихов Ламартина и довел Григорьева до того, что он стал бояться чтения Ламартина, как фрейлины Анны Иоанновны боялись чтения Тредьяковского. Зато как описать восторг мой, когда после лекции, на которой Ив. Ив. Давыдов с похвалою отозвался о появлении книжки стихов Бенедиктова, {13} я побежал в лавку за этой книжкой?!

- Что стоит Бенедиктов? - спросил я при-

казчика.

- Пять рублей, - да и стоит. Этот почище Пушкина-то будет.

Я заплатил деньги и бросился с книжкой домой, где целый вечер мы с Аполлоном с упоением завывали при ее чтении.

Но, поддаваясь байроновско-французскому романтизму Григорьева, я вносил в нашу среду не только поэта-мыслителя Шиллера, но, главное, поэта объективной правды Гете. Талантливый Григорьев сразу убедился, что без немецкого языка серьезное образование невозможно, и, при своей способности, прямо садился читать немцев, спрашивая у меня незнакомые слова и обороты. Через полгода Аполлон редко уже прибегал к моему оракулу, а затем стал самостоятельно читать философские книги, начиная с Гегеля, которого учение, распространяемое московскими юридическими профессорами с Редкиным и Крыловым во главе, составляло главнейший интерес частных бесед студентов между собою. Об этих беседах нельзя не вспомнить, так как настоящим заглавием их должно быть Аполлон Григорьев... Как это сделалось,

трудно рассказать по порядку; но дело в том, что со временем, по крайней мере через воскресенья, на наших мирных антресолях собирались наилучшие представители тогдашнего студенчества. Появлялся товарищ и соревнователь Григорьева по юридическому факультету, зять помощника попечителя Голохвостова Ал. Вл. Новосильцев, всегда милый, остроумный и оригинальный. Своим голосом, переходящим в высокий фальцет, он утверждал, что московский университет построен по трем идеям: тюрьмы, казармы и скотного двора и его шурин приставлен к нему в качестве скотника. Приходил постоянно записывавший лекции и находивший еще время давать уроки будущий историограф С. М. Соловьев. Он по тогдашнему времени был чрезвычайно начитан и, располагая карманными деньгами, неоднократно выручал меня из беды, давая десять рублей займа. Являлся веселый, иронический князь Влад. Ал. Черкасский, с своим прихихикиванием через зубы, выдающиеся вперед нижней челюстью. Снизу то и дело прибывали новые подносы со стаканами чаю, ломтиками лимона, калачами,

сухарями и сливками. А между тем в небольших комнатах стоял стон от разговоров, споров и взрывов смеха. При этом ни малейшей тени каких-либо социальных вопросов. {14} Возникали одни отвлеченные и общие: как, например, понимать по Гегелю отношение разумности к бытию?

- Позвольте, господа, - восклицал добродушный Н. М. Ов, - доказать вам бытие божие математическим путем. - Это неопровержимо.

Но не нашлось охотников {15} убедиться в неопровержимости этих доказательств.

- Конечно, - кричал светский и юркий Жихарев, - Полонский - несомненный талант. Но мы, господа, непростительно проходим мимо такой поэтической личности как Кастарев.

Земная жизнь могла здесь быть случайной,

Но не случайна мысль души живой.

- Кажется, господа, стихи эти не требуют сторонней похвалы.

- Натянута мысль, - говорит, прихихкивая, Черкасский, - не всегда бывает признаком ее глубины, а иногда прикрывает совер-

шенно противоположное качество.

- Это противоположное, - пищит своим фальцетом Новосильцев, - имеет несколько степеней: Il y a des sots simples, des sots graves et des sots superfin. {Бывают дураки простые, дураки важные и дураки тонкие (франц.).}

Что касается меня, то едва ли я был не один из первых, почувывших несомненный и оригинальный талант Полонского. Я любил встречать его у нас наверху до прихода еще многочисленных и задорных спорщиков, так как надеялся услышать новое его стихотворение, которое читать в шумном сборище он не любил. Помню, в каком восторге я был, услышав в первый раз:

Мой костер в тумане светит,

Искры гаснут на лету.

Появился чрезвычайно прилежный и сдержанный С. С. Иванов, впоследствии товарищ попечителя Московского университета. С великим оживлением спорил, сверкая очками и темными глазками, кудрявый К. Д. Кавелин, которого кабинет в доме родителей являлся в свою очередь сборным пунктом нашего кружка.

Приходил к нам и весьма способный и энергичный, Шекспиру и в особенности Байрону преданный, Студицкий. Жаль, что в настоящее время я не помню ни одного из превосходных его стихотворных переводов еврейских мелодий Байрона. Вынужденный тоже давать уроки, он всем выхвалял поэтический талант одного из своих учеников, помнится - Карелина. Из приводимых Студицким стихов юноши, в которых говорится о противоположности чувств, возбуждаемых в нем окружающим его буйством жизни, я помню только четыре стиха:

Как часто, внимая их песням разгульным,
Один я меж всеми молчу,
Как часто, внимая словам богохульным,
Тихонько молиться хочу.

Что Григорьев с 1-го же курса совершенно безнамеренно сделался центром мыслящего студенческого кружка, можно видеть из следующего случая. Григорьев был записан слушателем {16} и в числе других был причиной неоднократно повторяемой деканом юридического факультета Крыловым остроты, что слушатели и суть действительные слушате-

ли. Вспоминаю об этом, желая указать на то, что какой-то слушатель Тригорьев не мог представлять никакого интереса в глазах властительного и блестящего попечителя графа Строганова. Между тем Аполлон был потребован к попечителю, который спросил его по-французски, - им ли было написано французское рассуждение, поданное при полугодичном испытании? - Оно так хорошо, - прибавил граф, - что я усомнился, чтобы оно было писано студентом, - и на утвердительный ответ Григорьева прибавил: "vous faites trop parler de vous; il faut vous effacer". {вы заставляете слишком много говорить о себе, вам нужно ступешеваться (франц.).}

Наглядным доказательством участия, возбуждаемого Аполлоном Григорьевым в преподавателях, может служить то обстоятельство, что малообщительный декан Никита Иванович Крылов, недавно женившийся на красавице Люб. Фед. Корш, выходя с лекции, пригласил Аполлона в следующее воскресенье к себе пить чай. Конечно, Аполлон с торжеством объявил об этом родителям и вечером в воскресенье вернулся обвороченный

любезностью хозяйки и ее матери, приезжавшей на вечер с двумя дочерьми.

Аполлон рассказывал мне, что вдова генеральша Корш целый вечер толковала с ним о Жорж Занд и, к великому его изумлению, говорила наизусть мои стихи, а в довершение просила привести меня и представить ей. Мы оба не раскаялись, что воспользовались любезным приглашением.

45-летняя вдова была второю женою покойного заслуженного доктора Корша и, несмотря на крайнюю ограниченность средств, умела придать своей гостиной и двум молодым дочерям, Антонине и Лидии, совершение приличный, чтобы не сказать изящный, вид. Я не видал их никогда иначе, как в белых полубальных платьях. Иногда на вечера к матери приезжала старшая ее дочь, можно сказать, идеальная красавица, Куманина. Идеалом всех этих дам была Консвелло Жорж Занд, и все их симпатии, по крайней мере на словах, склонялись в эту сторону. В скором времени за вечерним чаем у них мы стали встречать Конст. Дм. Кавелина, который, состоя едва ли уже не на 4-м курсе, {17}

видимо, интересовался обществом молодых девушек. Надо сказать правду, что хотя меньшая далеко уступала старшей в выражении какой-то воздушной грации и к тому же, торопясь высказать мысль, нередко заикалась, но обе они, прекрасно владея новейшими языками, отчасти музыкой и, при известном свободомыслии, хорошими манерами, могли для молодых людей быть привлекательными.

Не берусь определить времени, когда нам стало известно, что старшая, Антонина, дала слово выйти за Кавелина.

Надо отдать справедливость старикам Григорьевым, что они были чрезвычайно щедры на все развлечения, которые могли, по их мнению, помогать развитию сына. В этом случае первое место занимали Большой и Малый (французский) театры. Хотя мы нередко наслаждались с Григорьевым изящною и тонкою игрой французов, но главным источником наслаждений был для нас Большой театр с Мочаловым в драме, Ферзингом. Нейрейтер и Беком в опере.

Не один Мочалов оказался властителем наших с Григорьевым сердец: в не меньший

восторг приводила нас немецкая опера. Трудно в настоящую минуту определить, кто из нас нащипывал восторг в другом; но я должен сказать, что мы мало прислушивались к общественной молве и славе и, наслаждаясь сценическим искусством, увлекались не столько несомненным блеском таланта, сколько кровью сердца, если позволено так выразиться. Так, мы с наслаждением слушали Роберта 18-Бека и оставались совершенно равнодушными к Голланду, несколько запоздавшему со своею громадною репутацией из Петербурга; но подобно тому, как нас приводил на границу безумия Мочалов, влюбленный в Орлову, так увлекал и влюбленный в Алису-Нейрейтер Бертрам-Ферзинг. Когда он, бывало, приподняв перегнувшуюся на левой руке его, упавшую у часовни в обмороке Алису и высоко занеся правую руку, выражал восторг своей близости к этой безупречной чистоте фразой: "du zarte Blume"!, {ты нежный цветок! (нем.)} потрясая театр самую низкою нотой своего регистра, мы с Григорьевым напропалую щипали друг друга

С переходом на второй курс университет-

ские занятия более специализировались. Юристы еще более подпали под влияние профессора Редкина, и имя Гегеля до того стало популярным на нашем верху, что сопровождавший по временам нас в театр слуга Иван, выпивший в этот вечер не в меру, крикнул при разезде вместо: "Коляску Григорьева!" - "коляску Гегеля!". С той поры в доме говорили о нем, как об Иване Гегеле. Не помню, кто из товарищей подарил Аполлону Григорьеву портрет Гегеля, и однажды до крайности прилежный Чистяков, заходивший иногда к нам, упирая один в другой указательные пальцы своих рук и расшатывая их в этом виде, показывал воочию, как борются "субъект" с "объектом". Кажется, что в то время Белинский не поступал еще в "Отечественные записки" {19} как критик и не открывал еще своего похода против наших псевдоклассических писателей. {20} Не думая умалять значения его почина в этом деле, привожу факт, доказывающий, что поднятая им тема носилась в воздухе. Одно из величайших духовных наслаждений и представляет благодарность лицам, благотворно когда-то к нам относившимся.

Не испытывая никакой напускной нежности по отношению к Московскому университету, я всегда с сердечной признательностью обращаюсь к немногим профессорам, тепло относившимся к своему предмету и к нам, своим слушателям. Вследствие положительной своей беспамятности я чувствовал природное отвращение к предметам, не имеющим логической связи. Но не прочь был послушать теорию красноречия или эстетику у И. И. Давыдова, историю литературы у Шевырева или разъяснение Крюковым красот Горация. Вероятно, желая более познакомиться с нашей умственной деятельностью, И. И. Давыдов предложил нам написать критический разбор какого-либо классического произведения отечественной литературы. Не помню, досталось ли мне или выбрал я сам оду Ломоносова на рождение порфирородного отрока, начинающуюся стихом:

Уже врата отверзло лето. {21}

Помню, с каким злорадным восторгом я набросился на все грамматические неточности, какофонии и стремление заменить жар вдохновения риторикой вроде:

И Тавр и Кавказ в Понт бегут.

Очевидно, это не было каким-либо с моей стороны изобретением. Все эти недостатки сильно поражали слух, уже избалованный точностью и поэтичностью Батюшкова, Жуковского, Баратынского и Пушкина. Удостоверюсь в моей способности отличать напыщенные стихи от поэтических, почтенный Иван Иванович отнесся с похвалою о моей статье и, вероятно, счел преждевременным указать мне, что я забыл главное: эпоху, в которую написана ода. Требовать от Державина современной виртуозности, а у современных стихотворцев державинской силы - то же, что требовать от Бетховена листовской игры на рояли, а от Листа - бетховенских произведений.

Познакомился я со студентом Боклевским, прославившимся впоследствии своими иллюстрациями к произведениям Гоголя. В то время мне приводилось не только любоваться щегольскими акварелями и портретами молодого дилетанта, но и слушать у него на квартире прелестное пение студента Мано, обладавшего бархатным тенором.

Между обычными посетителями григорьевского мезонина стал появляться неистощимый рассказчик и юморист, однокурсник и товарищ Григорьева Ник Антонович Ратынский, сын помещика Орловской губернии, Дмитровского уезда; он, кажется, не получал от отца никакого содержания и вынужден был давать уроки. Через Ратынского познакомился я, с двумя орловскими земляками-студентами, жившими на одной квартире: Гриневым и поэтом Лизандром.

Об обычном возвращении в Москву на григорьевский верх говорить нечего, так как память не подсказывает в этот период ничего сколько-нибудь интересного. Во избежание нового бедствия с политической экономией, {22} я стал усердно посещать лекции Чивилева и заниматься его предметом.

В нашей с Григорьевым духовной атмосфере произошла значительная перемена. Мало-помалу идеалы Ламартина сошли со сцены, и место их, для меня по крайней мере, заняли Шиллер и, главное, Байрон, которого "Каин" совершенно сводил меня с ума. Однажды наш профессор русской словесности С. П.

Шевырев познакомил нас со стихотворениями Лермонтова, а затем и с появившимся тогда "Героем нашего времени". Напрасно старался бы я воспроизвести могучее впечатление, произведенное на нас этим чисто лермонтовским романом. Когда мы вполне насытились им, его выпросил у нас зашедший к вечернему чаю Чистяков, уверявший, что он сделает на романе обертку и возвратит его в полной сохранности.

- Ну что, Чистяков, как тебе понравился роман? - спросил Григорьев возвращавшего книжку.

- Надо ехать в Пятигорск, - отвечал последний, - там бывают замечательные приключения.

К упоению Байроном и Лермонтовым присоединилось страшное увлечение стихами Гейне.

В доме у Григорьевых появлялись по временам новые посетители, и именно родной брат Ал. Ив. Григорьева, капитан с мундиром в отставке, Николай Ив. Женат он был на весьма миловидной девице Каблуковой, {23} далеко превосходившей его образованием и

воспитанием. За нею он получил порядочное приданое, на которое они купили прекрасное имение Обухове с домом и усадьбой в 50 верстах от Москвы по Вере́йской дороге. У самого же Николая Ивановича ни состояния, ни воспитания не было, {24} хотя он, устроившись на одну зиму с женою и двумя детьми в Москве, любил пообедать и поиграть в карты в дворянском клубе, развязно говорить о жениных родственниках и казаться человеком светским, не стесненным в средствах. Рассказывая клубные анекдоты, он пускал дым сквозь нависшие рыжеватые усы и, прихихикивая, притоптывал вперед правую ногою для большей развязности. Входя к нам наверх, он постоянно издевался над монашеским житьем Аполлона, называл его Гегелем и говорил: "нет, я не во вкусе этого" (вместо: "это не в моем вкусе"). Наша старуха Григорьева недолюбливала сильно Николая Ивановича, во-первых, за деньги, которые во время военной его службы передавал ему Ал. Ив., а во-вторых, из-за красивой и молодой невестки. Поэтому она полагала всевозможные препятствия сближению Аполлона с дядей и тет-

кой. Зато я нисколько не отказывался от их любезного расположения. Собираясь на неделю в свое имение, они уговорили меня проехаться с ними, обещая, что я найду там выезженную верховую лошадь, ружье и лягавую собаку. Перспектива была действительно соблазнительна, и я прожил с неделю у них в деревне, отправляясь ежедневно на ближайшее болото

- Слышали ли вы новость? - сказал однажды снявший мундирный фрак и парик Александр Иванович, выходя к обеденному столу.

Конечно, вам теперь не до того, и вы ничего не слыхали, так я вам скажу: курьер привез известие, что государь будет встречать в Москве цесаревича {25} с его августейшей невестой. Процессия пойдет из Петровского дворца в Кремль, и все бросились нанимать окна по Тверской. Я тоже поручил знакомому человеку взять нам окно в строящемся доме, близ Шевалдышевой гостиницы. {26}

Слух, принесенный Александром Ивановичем, распространился по всей Москве как несомненный; и в назначенный день не толь-

ко мы с Аполлоном прошли за Александром Ивановичем в недостроенный еще дом, чтобы занять нанятое окошко, но провели за собою и Татьяну Андреевну, никуда не выходящую из дома, за исключением приходской церкви в светлую заутреню. Провести нашу старушку до окна было далеко не легко, так как приходилось, во-первых, пробиваться сквозь толпившийся на тротуаре народ, а во-вторых, всходить в третий этаж не по лестнице, а по лесам, для восхода рабочих; самые стулья стояли на лесах, перед оконными отверстиями, в которых еще и рамы не были вставлены.

На другой день студенческие помыслы наши были окончательно, увлечены от вчерашней великолепной картины народного торжества и ото всего в мире приготовлениями к экзаменам. Когда мы с Аполлоном сошли к вечернему чаю в столовую, выходящую окнами на улицу, та сначала услышали подъехавший к калитке экипаж, а затем и громкий звонок. Любопытный Александр Иванович первый побежал к деревянному помосту, ведущему от калитки к парадному крыльцу, и

воскликнул; "Какой-то офицер, должно быть, адъютант". Через минуту мы действительно увидели вошедшего в переднюю небольшого роста адъютанта, которого лицо мне сразу показалось как будто знакомым. Но где я его видел, я не мог сказать, да и, быть может, мне это только показалось. Как ни мало мы все были знакомы с военными формами, но, несмотря на обычные адъютантские эполеты и эксельбанты, - тотчас же признали в незнакомце иностранца. Незнакомец, оказавшийся говорящим только по-немецки и, следовательно, понятен только для меня и Аполлона, сказал, что он желал бы видеть студента Фета, и, когда я подошел к нему, он со слезами бросился обнимать меня, как сына горячо любимой сестры. Оказалось, что это был родной дядя мой, Эрнст Беккер, приехавший в качестве адъютанта принца Александра Гессенского, брата высоконазванной невесты.

Наша хозяйка Татьяна Андреевна, подобно всем не говорящим на иностранных языках, вообразила, что дядя мой не понимает ее только потому, что не довольно ясно слышит слова, и пустилась отчаянно выкрикивать

членораздельные звуки. Это не подвинуло нимало взаимного их понимания, и дело пришло в порядок, только когда обе стороны убедились, что никакого обмена мыслей не будет, если я не буду их переводчиком. Между прочим, вероятно из любезности ко мне и к моему дяде, Аполлон характеризовал меня как поэта. Когда на другой день я на минутку забежал к дяде, последний встретил меня со смущенным лицом {27} и сказал: "А я сейчас собирался послать за тобою; боже, боже, что на свете делается. Вообрази, - сказал он, жалобно глядя на меня, - твоя сестра Лина здесь, и мы сейчас с тобою поедem к ней".

В номере гостиницы мы застали замечательно красивую и милую девушку, которая, нежно встретившись со мною, сказала, что не понимает переполоха дяди, что она свой поступок считает весьма естественным. Ей хотелось увидеть хоть раз в жизни свою мать и родных по матери, что она доехала до Москвы с знакомой ей дамой и надеется и на возвратном пути найти спутницу.

Я должен отдать полную справедливость любезности стариков Григорьевых, которые,

услышав о приезде сестры, тотчас же пригласили ее в свободную в нижнем этаже комнату и послали за нею свою коляску. Сестра говорила по-французски, старик Григорьев тоже сохранил отрывки этого языка из дворянского пансиона, и поэтому объяснения уже не представляли тех затруднений, как при свидании с дядей.

Добрый Аполлон, несмотря на свои занятия, продолжал восхищаться моими чуть не ежедневными стихотворениями и тщательно переписывать их. Внимание к ним возникло не со стороны одного Аполлона. Некоторые стихотворения ходили по рукам, и в настоящую минуту я за малыми исключениями не в состоянии указать на пути, непосредственно приведшие меня в так называемые интеллигентные дома. Однажды Ратынский, пришедши к нам, заявил, что критик "Отечественных записок" Васил Петров Боткин желает со мной познакомиться, и просил его, Ратынского, привести меня. Ратынский в то время был в доме Боткиных своим человеком, так как приходил младшим девочкам {28} давать уроки, Боткин жил в отдельном флигеле и в 30

лет от роду пользовался семейным столом и получал от отца 1000 руб. в год. У Боткина я познакомился с Александром Ивановичем Герценом, которого потом встречал и в других московских домах. Слушать этого умного и остроумного человека составляло для меня величайшее наслаждение. С Вас. Петр, знакомство мое продолжалось до самой моей свадьбы {29} за исключением периода моей службы в Новороссийском крае.

... Он старался дать ход моим стихотворениям, и с этою целью, как соиздатель "Москвитянина", рекомендовал Погодину написанный мною ряд стихотворений, под названием "Снега". Все размещения стихотворений по отделам с отличительными прозваниями производились трудами Григорьева. {30}

В числе посетителей нашего григорьевского верха появился весьма любезный правовед Калайдович, сын покойного профессора и издателя песен Кирши Данилова. Молодой Калайдович не только оказывал горячее сочувствие моим стихам, но, к немалому моему удовольствию, ввел меня в свое небольшое семейство, проживавшее в собственном доме

на Плющихе. Через молодого Калайдовича я познакомился с его друзьями: Константином и Иваном Аксаковыми. Однажды, начитавшись песен Кирши Данилова, я придумал под них подделаться, и мы с Калайдовичем решили ввести в заблуждение любителей и знатоков русской старины братьев Аксаковых. Отыскав между бумагами покойного отца чистый полулист, Калайдович постарался подделаться под руку покойного, передал рукопись Конст Серг, сказав, что нашел ее в бумагах отца, но желал бы знать, можно ли довериться ее подлинности. В следующий мой приход я с восхищением услышал, что Аксаков, прочитав песню, сказал: "Очень может быть, очень может быть; надо хорошенько ее разобрать". Но кажется в следующее за тем свидание Калайдович расхохотался и тем положил конец нашей затее.

Но никакие литературные успехи не могли унять душевного волнения, возраставшего по мере приближения весны, святой недели и экзаменов. Не буду говорить о корпоративном изучении разных предметов, как, например, статистики, причем мы, студенты, сой-

дьясь у кого-либо на квартире, ложились на пол втроем или четвером вокруг разостланной громадной карты, по которой воочию следили за статистическими фигурами известных произведений страны, обозначенными в лекциях Чивилева.

Но вот начались и самые экзамены и сдавались мною один за другим весьма успешно, хотя и с возрастающим чувством томительного страха пред греческим языком. Мучительное предчувствие меня не обмануло, и в то время, когда Ап. Григорьев радостный принес из университета своим старикам известие, что кончил курс первым кандидатом, я, получив единицу у Гофмана из греческого языка, остался на третьем курсе еще на год.

Тем не менее обычная студенческая жизнь брала свое, невзирая ни на какие потрясения и внутренние перемены. К последним принадлежало окончание университетского учения Ап. Григорьевым, продолжавшим еще проживать со мною наверху Полянского дома. Освободившись от сидения над тетрадками, Аполлон стал не только чаще бывать в доме Коршей, но и посещать дом профессора Н.

И. Крылова и его красавицы жены, урожденной Корш. По привязанности к лучшему своему ученику, Никита Ив. сам не раз приходил к старикам Григорьевым и явно старался выхлопотать Аполлону служебное место, которое бы не отрывало дорогого сына от обожавших его родителей. Как нарочно, секретарь университетского правления Назимов вышел в отставку, {31} и, при влиянии Крылова в совете, едва окончивший курс Григорьев был выбран секретарем правления. {32} Радости стариков не было конца. Зато мне по вечерам нередко приходилось оставаться одному по причине отлучек Григорьева из дому. Паша Булгаков стал ежедневно появляться в театре, в котором порою и мы с Аполлоном не переставали почерпать юношеские восторги. Не удивительно, что до крайности чуткий на все изящное Аполлон приходит в восторг от грациозных танцев Андриановой. Действительно, она была пленительно грациозна при полете через сцену на развевающемся шарфе. Помню даже стихотворение Григорьева с двистишием:

Когда волшебницей в "Жизели"

На легкой дымке вылетели... {33}

если только память мне не изменила.

Можно было предполагать, что неуклонный посетитель лекций и неутомимый труженик Ап. Григорьев будет безукоризненным чиновником. Но на деле вышло далеко не то: списки, отчеты с своею сухою формалистической, требующей тем не менее настойчивого внимания, не возбуждали в нем никакой симпатии, и совет университета вскорости пришел к убеждению в совершенной неспособности Григорьева исполнять должность секретаря правления. Как нарочно, упразднилось место университетского библиотекаря, на которое Крылов успел поместить Ап. Григорьева. Надо сказать, что пробуждение стариков посредством музыки Аполлона продолжалось со стороны кандидата, секретаря правления и библиотекаря точно так же, как оно производилось студентом первого курса. Хотя Аполлон наверху со мною жестоко иронизировал над догматизмом патеров, как он выражался, тем не менее по субботам сходил вниз по приглашению: "Ап. Ал., пожалуйста к маменьке головку чесать", - и подставлял свою голову

под ее гребень. Соответственно всему этому Аполлон в первое время поступления на службу считал своею гордостью отдавать все жалованье родителям без остатка. И можно было только удивляться наивности стариков, не догадывавшихся, что молодой чиновник мог нуждаться в карманных деньгах. Следствием такого недоразумения было тайное сотрудничество Григорьева в журналах и уроки в богатых домах. К этому Григорьев не раз говорил мне о своем поступлении в масонскую ложу {34} и возможности получить с этой стороны денежные субсидии. Помню, как однажды посетивший нас Ратынский с раздражением воскликнул: "Григорьев! подавайте мне руку, хватая меня за кисть руки {35} сколько хотите, но я ни за что не поверю, чтобы вы были масоном".

Насколько было правды в этом масонстве, судить не берусь, знаю" только, что в этот период времени Григорьев от самого отчаянного атеизма одним скачком переходил в крайний аскетизм и молился пред образом, {36} наклепывая и зажигая на всех пальцах по восковой свечке. Я знал, что между знакомыми он

раздавал университетские книги, как свои собственные, и я далеко даже не знал всех его знакомых. Однажды, к крайнему моему изумлению, он объявил мне, что получил из ма-сонской ложи временное вспомоществование и завтра же уезжает в три часа дня в дилижансе в Петербург, вследствие чего просит меня проводить его до Шевалдышевской гостиницы, откуда уходит дилижанс, и затем, вернувшись, с возможною мягкостью объявить старикам о случившемся. Он ссылался на нестерпимость семейного догматизма и умолял во имя дружбы исполнить его просьбу. Прожить уроками и литературным трудом казалось ему самой легкой задачей.

Сборы его были несложны, ограничиваясь едва ли не бельем и платьем, бывшим на нем в данную минуту, так как остальное было на руках Татьяны Андреевны, у которой нельзя было выпросить вещей в большом количестве, не возбудив подозрения. В минуту отъезда дилижанса мы пожали друг другу руки, и Аполлон вошел в экипаж. Когда дилижанс тронулся, я почувствовал себя как бы в опустелом городе. Это чувство сиротливой пусто-

ты я донес с собою на григорьевские антресоли. Не буду описывать взрыва негодования со стороны Александра Ивановича и жалобного плача Татьяны Андреевны после моего объявления об отъезде сына. Только успокоившись несколько, на другой день они решились послать вслед за сыном слугу Ивана-Гегеля с платьем, туалетными вещами и несколькими сотнями рублей денег. При отъезде Аполлон сказал мне, у кого можно было искать его в Петербурге. Оказалось, что Аполлон по добродушной бесшабашности роздал множество книг из университетской библиотеки, которые мне пришлось не без хлопот возвращать на старое место.

ПРИМЕЧАНИЯ

При жизни Григорьева его автобиографическая проза печаталась в журналах большинство произведений опубликовано с опечатками и искажениями. Новые издания его прозы появились лишь в XX в., по истечении 50-летнего срока со смерти автора (до этого наследники были, по дореволюционным законам, владельцами сочинений покойного, и издавать можно было только с их согласия и с

учетом их требований). Но большинство этих изданий, особенно книжечки в серии "Универсальная библиотека" 1915-1916 гг., носило не научный, а коммерческий характер и только добавило число искажений текста.

Лишь Материалы (здесь и далее при сокращенных ссылках см. "Список условных сокращений") - первое научное издание, где помимо основного мемуарной произведения "Мои литературные и нравственные скитальчества" были впервые напечатаны по сохранившимся автографам "Листки из рукописи скитающегося софиста", "Краткий послужной список..." (ранее воспроизводился в сокращении) письма Григорьева. Архив Григорьева не сохранился, до нас дошли лишь единичные рукописи; некоторые адресаты сберегли письма Григорьева к ним. В. Н. Княжнин, подготовивший Материалы, к сожалению, небрежно отнесся к публикации рукописей, воспроизвел их с ошибками; комментарии к тексту были очень неполными.

Наиболее авторитетное научное издание - Псс; единственный вышедший том (из предполагавшихся двенадцати) содержит из инте-

ресующей нас области лишь основное мемуарное произведение Григорьева и обстоятельные примечания к нему. Р. В. Иванов-Разумник, составитель Воспоминаний, расширил круг текстов, включил почти все автобиографические произведения писателя, но тоже проявил небрежность: допустил ошибки и пропуски в текстах, комментировал их весьма выборочно.

Тексты настоящего издания печатаются или по прижизненным журнальным публикациям, или по рукописям-автографам (совпадений нет: все сохранившиеся автографы публиковались посмертно), с исправлением явных опечаток и описок (например, "Вадим Нижегородский" исправляется на "Вадим Новгородский"). Исправления спорных и сомнительных случаев комментируются в "Примечаниях". Конъектуры публикатора заключаются в угловые скобки; зачеркнутое самим автором воспроизводится в квадратных скобках.

Орфография и пунктуация текстов несколько приближена к современным; например, не сохраняется архаическое написа-

ние слова, если оно не сказывается существенно на произношении (ройяль - рояль, охабка - охапка и т. п.).

Редакционные переводы иностранных слов и выражений даются в тексте под строкой, с указанием в скобках языка, с которого осуществляется перевод. Все остальные подстрочные примечания принадлежат Ап. Григорьеву.

Даты писем и событий в России приводятся по старому стилю, даты за рубежом - по новому.

За помощь в комментировании музыкальных произведений выражается глубокая благодарность А. А. Гозенпуду, в переводах французских текстов - Ю. И. Ороховатскому, немецких - Л. Э. Найдич.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Белинский - Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. I-XIII. М., изд-во АН СССР, 1953-1959.

Воспоминания - Григорьев Аполлон. Воспоминания. Ред. и коммент. ИвановаРазумника. М.-Л., "Academia", 1930.

Егоров - Письма Ап. Григорьева к М. П. Погину 1857-1863 гг. Публикация и коммента-

рии Б. Ф. Егорова. - Учен. зап. Тартуского ун-та, 1975, вып. 358, с. 336-354.

ИРЛИ - рукописный отдел Института русской литературы АН СССР (Ленинград).

ЛБ - рукописный отдел Гос. Библиотеки СССР им. В. И. Ленина (Москва).

Лит. критика - Григорьев Аполлон. Литературная критика. М., "Худ. лит.", 1967.

Материалы - Аполлон Александрович Григорьев. Материалы для биографии. Под ред. Влад. Княжнина. Пг., 1917.

Полонский (следующая затем цифра означает столбец-колонку) - Полонский Я. П. Мои студенческие воспоминания. - "Ежемесячные литературные приложения" к "Ниве", 1898, декабрь, стб. 641-688.

Псс - Григорьев Аполлон. Полн. собр. соч. и писем. Под ред. Василия Спиридонова. Т. 1. Пг., 1918.

ц. р. - цензурное разрешение.

ЧБ - Григорьев Ап. Человек будущего. М., "Универсальная библиотека", 1916.

А. Фет

РАННИЕ ГОДЫ МОЕЙ ЖИЗНИ

Впервые части воспоминаний, содержа-

щие почти все разделы о Г., публиковались: 1) под заглавием "Из моих школьных воспоминаний. Пребывание в пансионе М. П. Погодина" - Рус. школа, 1891, Э 3, с. 30-52; 2) под заглавием "Ранние годы моей жизни" - Рус. обозрение, 1893, Э 1, с. 5-25; Э 2, с. 461-482 Э 3, с. 5-24; Э 4, с. 533-552. Полностью мемуары о детстве и юности опубликованы: Фет А. А. Ранние годы моей жизни. М., 1893. Отрывки, касающиеся Г., была затем напечатаны с ошибками и искажениями: Воспоминания, с. 387-414. Другой сокращенный вариант воспоминаний Фета опубликован в качестве приложения к книге: Фет А. А. Стихотворения. Проза. Воронеж, 1978 (с. 398-433 - разделы о Г.). В наст. изд. отрывки публикуются в более расширенном виде по тексту отд. изд. 1893 г., с. 131-132, 140, 146-157, 160, 170-172, 192-193, 195, 196-198, 204-205 209-210, 215-216, 218-219, 223, 225-227.

Отдельные заметки о Г. встречаются также в кн.: Фет А. Мои воспоминания ч. I-II. М., 1890.

"Ранние годы моей жизни" являются единственным художественно-документальным произведением о студенческих годах Г., тем

более ценным, что Фет прожил в доме Г. почти весь студенческий период, с начала 1839 г. до 1842 г., к все последующие московские годы жизни Г., вплоть до побега последнего в Петербург в конце февраля 1844 г. (Фет в это время все еще был студентом; он повторно оставался на втором и третьем курсах, поэтому окончил университет не вместе с Г., а двумя годами позже, летом 1844 г.).

1 "Хромбес" - прозвище И. Д. Беляева (он был хром).

2 ...не отпускали из дому. - Ср. в воспоминаниях Я. П. Полонского: "Родители его охотно отпускали его в театр, куда он ездил в сопровождении Фета, но не к товарищам. Старушка мать его держала его как бы на привязи; он никуда не выезжал без ее соизволения. У меня бывал он редко и оставался у меня обыкновенно только до 9 часов вечера; на дворе или за воротами постоянно ожидали его кошевни, и никогда я не мог уговорить его остаться у меня дольше. "Нельзя", - говорил он, спешил проститься и уезжал" (Полонский, 660-661).

3 ...передавали друг другу вновь написанное стихотворение. - Ср. у Полонского: "Григо-

рьев глубоко верил в поэтический талант своего приятеля, завидовал ему и приходил в восторг от лирических его стихотворений" (Полонский, 661). Фет, которому в этом вопросе" следует больше верить, ниже будет отрицать зависть Г.

4 ... отойдя к Новому году от Погодина... - Фет с 1837 г. жил в пансионе М. П. Погодина, сперва готовясь к поступлению в университет, а затем поступив в 1838 г. на философский факультет, на словесное отделение (тогда еще не было особого филологического факультета); в начале 1839 г. в Москву приехал отец Фета, помещик Орловской губ. Афанасий Неофитович Шеншин, который и перевез сына к Григорьевым.

5 ... прекрасной игрой на рояли. - Ср. у Полонского: "Он любил музыку, но дурно играл на рояле" (Полонский, 660).

6 Илья Афанасьевич - камердинер А. Н. Шеншина.

7 Коман ву порте ву? Вуй, мосье. Пран дюте. - Искаженные французские фразы: "Как вы себя чувствуете? Да, месье. Пей чай".

8 Красный товар - мануфактура.

9 "Постоялый двор" - "старинный роман" с таким заглавием не удалось обнаружить; повесть же А. П. Степанова (1835) вряд ли была бы названа Фетом старинной.

10 Верро - ныне г. Выру, Эстонской ССР. Фет учился там в немецком пансионе Крюммера в 1834-1837 гг.

11 "Вадим Новгородский". - Эта драма Г. не сохранилась. В связи с тем, что Полонский в воспоминаниях говорит о своей стихотворной драме "Вадим Новгородский, сын Марфы Посадницы" (Полонский, 643), то Р. Иванов-Разумник предположил, что Фет, по всей вероятности, ошибся (Воспоминания, с. 593); но, учитывая исключительную память на стихи у Фета и, наоборот, очень плохую у Полонского, следует отдать предпочтение воспоминаниям Фета; возможно, впрочем, что Полонский писал аналогичную драму.

12 "Я не поэт, о, боже мой!.." - Стихотворение Г. не сохранилось.

13 ...Ив. Ив. Давыдов с похвалою отозвался о появлении книжки стихов Бенедиктова... - Первая книга Бенедиктова вышла в 1835 г., вторая - в 1838 г.; очевидно, речь идет о вто-

рой, так как событие относится к первому студенческому году Г. и Фета.

14 ... ни малейшей тени каких-либо социальных вопросов. - Фет или запомнил, или сознательно умолчал об общественно-политических интересах григорьевского кружка. Такой интерес проявляли не только Я. П. Полонский, С. М. Соловьев, но даже иногда сам Фет! Полонский писал Фету 14 августа 1889 г.: "... каким тогда был ты либералом, когда писал:

Православья где примеры,
Не у Спасских ли ворот?
Где во славу русской веры
Мужики крестят народ...".

(Материалы, с. 339; вместо "Мужики" нужно "Казачи").

См. об этом стихотворении: Евгеньев-Максимов В. Е. Новонайденное стихотворение А. А. Фета. - "Ленинград", 1940, Э 21-22, с. 34; автор обнаружил его в записи П. П. Пекарского, которому К. Д. Кавелин сообщил, что стихотворение сочинили два студента, из коих один - Фет.

15 Но не нашлось охотников... - Равнодуш-

ный к отвлеченным философским спорам Фет односторонне представляет интересы кружка; на самом деле охотников до споров было много. Сохранилась тетрадь-конспект Н. М. Орлова, озаглавленная "По просьбе Григорьева" и начинающаяся таким предисловием: "Ты, верно, помнишь любезный друг, что в прошлое воскресенье, когда мы все собрались у тебя, вследствие философского разговора, завязавшегося между нами, вы все просили меня систематически изложить мои взгляды на бумаге" (Русские пропилеи, т I. М., 1915, с. 213).

16 Григорьев был записан слушателем... - Очень хорошо существование трех групп студентов разъяснил Ф. И. Буслаев: "Первая рубрика: казеннокоштные студенты, вторая - своекоштные студенты и третья - слушатели. Обратите внимание: в последней рубрике уже не "студенты", а только "слушатели", но это не то, что теперь называется "вольными слушателями": лица этой рубрики имеют право носить студенческий мундир и ходить на лекции, но студентами быть не могут, потому что с этим званием соединен известный чин,

а они по закону не могли иметь на него права, потому что принадлежали к податному сословию и числились в нем до тех пор, пока не выдержат окончательного экзамена. Таким образом, мещанин или купец (за исключением почетного гражданина) только с приобретением звания действительного студента или кандидата (звания по выходе из университета, - В. Е.) получал увольнение из податного сословия и уравнивался в правах со всеми своими товарищами по университету" (Буслав Ф. И. Мои воспоминания. М., 1897, с. 99-100). Именно такой путь и предстояло пройти "мещанину" Г.

17 ... Кавелина... на 4-м курсе... - Фет ошибается: Кавелин окончил университет в 1839 г., а семейные вечера у Н. И. Крылова начались в 1842 г., 'в это же время Г. познакомился с семьей С. Г. Корш. Кавелин в 1842-1843 гг. был в Петербурге и лишь в конце 1843 г. вернулся в Москву; именно с этого времени, давно уже кончив университет, он стал посещать семейный дом Н. И. Крылова, а затем и дом Коршей (см. в наст. томе "Листки из рукописи скитающегося софиста").

18 ... слушали Роберта... - Имеется в виду героиня оперы Дж. Мейербера "Роберт-дьявол" (1831); упоминаемые ниже Алиса и Бертрам - также персонажи этой оперы.

19 ... Белинский не поступал еще в "Отечественные записки"... - Именно с осени 1839 г. Белинский и перешел в этот журнал.

20 ... не открывал еще своего похода против наших псевдоклассических писателей. - Белинский на самом деле с первых своих крупных статей, с "Литературных мечтаний" (1834), уже выступал против псевдоклассиков, но конечно же не причислял к ним Ломоносова и Державина, к кому можно приложить термин Фета "псевдоклассический", судя по дальнейшему изложению.

21 "Уже врата отверзло лето" - первая строка ломоносовской "Оды на день тезоименитства его императорского высочества государя великого князя Петра Феодоровича 1743 года"; "И Тавр и Кавказ в Понт бегут" - 94-я строка той же оды.

22 Во избежание нового бедствия с политической экономией,.. - Фет получил единицу на выпускном экзамене второго курса по поли-

тической экономии, поэтому остался на второй год. Фет объяснял провал придижкой проф. А. И. Чивилева на экзамене, мстостью за непосещение лекций.

23 ...девице Каблуковой... - На самом деле жена дяди Г. - Варвара Сергеевна, урожденная Нефедьева.

24 У самого же Николая Ивановича... состояния... не было... - Фет неточен: дядя Г. владел наследственным имением Иринки (Аринки), Владимирской губ.

25 ... государь будет встречать в Москве цесаревича... - На самом деле цесаревич (будущий Александр II) приехал со своей невестой прямо из Варшавы в Петербург, где и состоялось 16 апреля 1841 г. бракосочетание; в Москву же вся царская семья во главе с Николаем I приехала уже из Петербурга 14 мая (см.: Татищев С. С. Император Александр II, т. I. Изд. 2-е. СПб., 1911, с. 102-103). В Петербурге жене наследника была назначена царем русская свита, поэтому дядя Фета никак не мог приехать из Германии свитским офицером; видимо, многое в этом эпизоде выдуманно Фетом с целью повышения своего социального

престижа.

28 ... в строящемся доме, близ Шевалдышевой гостиницы. - Гостиница Шевалдышева помещалась на месте нынешнего дома Э 12 по ул. Горького; здание не сохранилось.

27 ... встретил меня со смущенным лицом... - Мать Фета еще до его рождения по непонятным причинам бежала из Германии с русским офицером А. Н. Шеншиным, бросив мужа и малолетнюю дочь Лину; вероятно, дядя Фета, брат матери, опасался, что неожиданный смелый приезд Лины в Россию и свидание с новой семьей матери может вызвать напряженные отношения.

28 ... младшим девочкам... - У В. П. Боткина было пять младших сестер, и" них самая старшая, Мария (1828-1894), станет женой Фета.

29 С Вас Петр знакомство мое продолжалось до самой моей свадьбы... - Фет, не очень удачно выразившись, хотел сказать, что до его женитьбы на сестре В. П. Боткина они были знакомыми, затем же стали родственниками.

30 Все размещения стихотворений по отделам с отличительными прозваниями произ-

водились трудами Григорьева. - Это ценное в своей единственности признание, проливающее свет на творческую историю ранних стихотворений Фета.

31 ... Назимов вышел в отставку... - Неточно: он был переведен правителем канцелярии попечителя графа С. Г. Строганова (Материалы, с. 323).

32 ... Григорьев был выбран секретарем правления. - Судя по дальнейшему изложению, Фет спутал последовательность служб Г.; на самом деле вскоре после окончания университета Г. стал библиотекарем (с 22 декабря 1842 г.), а затем уже секретарем правления (с 6 сентября 1843 г.).

33 Когда волшебницей... вы летели... - Такое стихотворение Г. неизвестно;

34 ... о своем поступлении в масонскую ложу... - См. с. 343-346.

35 ...хватая меня за кисть руки... - Ср. в повести "Один из многих": Званинцев, воспитанник масона, имеет "неприятную манеру" (для Севского) "пожимать указательным пальцем чужой пульс" (с.195).

36 ...Григорьев... молился пред образом... -

Ср.: "Перед праздниками ходил он в церковь к всенощной, и раз, когда он, вставши на колена, до самого пола преклонил свою голову, он услышал над самым ухом шепот Фета, который, пробравшись в церковь незаметно, встал рядом с ним на колена, также опустил свою голову и стал издеваться над ним, как Мефистофель" (Полонский, 661).